

Некоторые вопросы теории общественной опасности преступления

Гузеева Ольга Сергеевна,

кандидат юридических наук,
судья Арбитражного суда Московской области
E-mail: Olga352o@list.ru

Аннотация. *Вопрос об общественной опасности, ее критериях, структуре, без преувеличения, можно считать центральным в учении о преступлении. Количество работ, посвященных этой теме, исчисляется десятками, если не сотнями. Но, несмотря на это, общественная опасность до сих пор остается и одним из наиболее дискуссионных участков уголовно-правовой теории, и не познанной в должной мере категорией. Вывод об опасности преступления есть результат законодательного учета множества факторов, которые только в своей совокупности дают основание для криминализации. Должно быть очевидным, что каждый из этих компонентов и может, и должен быть самостоятельно оценен на предмет общественной опасности. И только в своей совокупности «раздельные» оценки опасности личности, деяния, его последствий могут быть интегрированы в общий вывод об опасности преступления. В ряду этих факторов деянию как сознательно-волевому неправомерному поведению человека принадлежит особая роль. Деяние и его опасность — самостоятельный предмет оценки законодателя и правоприменителя; оценка опасности деяния и оценка опасности преступления — несовпадающие виды оценочной практики.*

Ключевые слова: *общественная опасность преступления, деяние, конституционализация уголовного права, противоправность, предусмотренность деяния, криминализация, уголовная ответственность.*

Приступая к исследованию общественной опасности в контексте конституционализации уголовного права, констатируем, что в настоящее время можно считать неактуальной и бесперспективной идею о необходимости исключения общественной опасности из числа признаков, характеризующих преступление. Справедливости ради следует заметить, что даже те авторы, которые критически относились к признаку общественной опасности, не предлагали отказываться от него полностью. Так, в исследовании Т.Г. Понятовской, по ее собственным словам, «не ставилось цели обоснования необходимости отказа от признака общественной опасности преступления в Уголовном кодексе РФ 1996 г.» [1]. Автор лишь констатировала, что общественная опасность преступления есть понятие, необходимое в рамках советской уголовно-политической концепции, но неприемлемое для классической концепции, и на этой основе формулировала рекомендации по обеспечению системности и концептуальной выдержанности уголовно-правовых норм о понятии, категоризации преступлений и малозначительном деянии. В равной степени А.М. Алакаев утверждал лишь о необходимости изъятия опасности их числа дефинитивных признаков преступления в уголовном законе, но подчеркивал при этом, что «в правовом государстве общественная опасность является критерием, который позволяет законодателю дифференцировать правонарушения на преступления,

административные, гражданско-правовые деликты, дисциплинарные проступки» [2].

Даже если реализовать предложения о закреплении на нормативном уровне исключительно «формального» определения преступления [3], проблема общественной опасности не исчезнет, поскольку именно опасность объективно предопределяет факт предусмотренности того или иного деяния в уголовном законе. Кроме того, «формальное» определение понятия преступления, предполагая обсуждение проблем общественной опасности лишь в контексте законотворческой деятельности по криминализации тех или иных деяний, в результате лишает правоприменительный уровень проверенных инструментов оценки каждого конкретного деяния с точки зрения адекватности мер уголовно-правового воздействия, применяемых в отношении виновных лиц. А это уже серьезное посягательство на конституционно значимые принципы уголовно-правового регулирования в части обеспечения справедливости и соразмерности допускаемых правоограничений.

Малопродуктивной предоставляется также обширная дискуссия о том, является ли общественная опасность эксклюзивным признаком именно преступления. На сегодняшний день известную точку в этом споре поставил Конституционный Суд РФ, который признал, что федеральный законодатель преобразует составы административных правонарушений в составы

преступлений и наоборот, принимая во внимание, наряду с другими обстоятельствами, изменение степени общественной опасности тех или иных правонарушений¹. Именно меньшая, а не отсутствующая вовсе, степень вредоносности и общественной опасности административных правонарушений по сравнению с преступлениями констатирована Конституционным Судом в подтверждении тезиса о том, что они не могут быть исключены из сферы действия конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство². Тем самым вполне определенно на высоком уровне подтверждено, что **не появление, а лишь изменение параметров общественной опасности отличает проступок от преступления, которые едины в своей антисоциальной основе.**

Гораздо более значима для последующего развития темы иная дискуссия, долгое время существующая в науке, — о соотношении признаков общественной опасности

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 и пункта 2 статьи 31.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области» (п. 4.1); Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2001 № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ „АвтоВАЗ“ и „Комбинат „Североникель“, обществ с ограниченной ответственностью „Верность“, „Вита-Плюс“ и „Невско-Балтийская транспортная компания“, товарищества с ограниченной ответственностью „Совместное российско-южноафриканское предприятие „Эконт“ и гражданина А.Д. Чулкова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2002 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“ в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2019 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 и пункта 4 статьи 25 Федерального закона „О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции“ в связи с жалобой гражданина О.В. Довлатли».

и противоправности. Она отчетливо коррелирует с известными «материальными» и «формальными» дефинициями преступления. Согласно широко распространенному мнению, общественная опасность выступает так называемым материальным признаком, она первична, объективно существует вне зависимости от того, как ее оценивают, но в уголовной противоправности получает свою официальную законодательную оценку, а потому противоправность лишь отражает, фиксирует общественную опасность, выступая формальным, вторичным признаком преступления. Не оспаривая этого суждения по существу, отметим, что оно справедливо лишь при одном допущении — если противоправность понимать исключительно как предусмотренность деяния в уголовном законе. С этой точки зрения, действительно, она лишь отражает результат законодательной оценки опасности и является вторичной характеристикой преступления (разумеется, вторичность не означает в данном случае второстепенности). Иное, как подчеркнул Конституционный Суд РФ, «означало бы возможность применения уголовной ответственности за деяния (действия, бездействие), которые не представляют общественной опасности, требующей их криминализации, и тем самым противоречило бы статьям 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 31 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации»³.

Если же смотреть на противоправность иначе, а именно как на юридическую характеристику деяния, направленного против правоохраняемых ценностей, как на его неправомерность, соотношение опасности и противоправности уже не будет столь очевидно последовательным. Неправомерность деяния в форме злоупотребления правом или нарушения установленного порядка реализации права в любом случае означает, что субъект выходит за пределы дозволенного. Эти пределы, продиктованные объективно необходимым балансом между правами и свободами человека, с одной стороны, правами и свободами иных лиц, интересами общества и государства — с другой, возникают одновременно с формированием самого права, составляя его неотъемлемую характеристику. Деяние становится неправомерным, потому что оно нарушает этот баланс, и вследствие того, что оно нарушает этот баланс, оно становится неправомерным. Это двуединый процесс. А потому **опасность и неправомерность развиваются не последовательно, а одновременно, тогда**

³ Определение Конституционного Суда РФ от 11.02.2020 № 264-О-Р «По ходатайству Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 года № 2-П».

как опасность и предусмотренность деяния в уголовном законе — строго последовательные явления.

Такое уточнение имеет принципиальное значение и для конкретизации предмета самой дискуссии об общественной опасности — что именно она характеризует. Науке и практике хорошо известны понятия «опасность преступления», «опасность личности виновного», «опасность деяния», «опасность последствий» и др., однако в спорах об общественной опасности эти понятия не всегда с должной степенью упорядочены, что зачастую способствует безрезультативности самого спора. Кроме того, в этой области необходимо принципиально различать опасность того или иного преступления «вообще» и опасность конкретного преступления. Для характеристики первого аспекта опасности традиционно используется оговорка «типичная общественная опасность». Этот термин получил конституционно-правовое признание. В своих решениях Конституционный Суд РФ подчеркивает, что законодатель, «принимая решение о криминализации деяния, обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности»⁴. Оценка типовой опасности — удел законодателя, оценка опасности конкретного преступления — задача суда, рассматривающего конкретное уголовное дело⁵.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2018 № 2221-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерманова Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом „в“ части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации».

⁵ Эти вполне очевидные выводы подтверждены Конституционным Судом РФ в процессе обсуждения вопроса о конституционности нормативной категоризации преступлений. Суд указал: «Абстрактные предписания статьи 15 УК РФ не создают препятствий для реализации принципов равенства, справедливости и соразмерности в уголовном праве, поскольку предполагается, что суд, рассматривая уголовное дело, руководствуется как этими, так и другими положениями данного Кодекса (его Общей и Особенной частей), содержащими нормативные характеристики преступления и наказания, конкретизируя их применительно к каждому отдельному преступлению и личности виновного, и с учетом всех обстоятельств дела в рамках предоставленной ему дискреции назначает наказание, соразмерное совершенному преступлению». См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта „а“ пункта 32 статьи 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова».

С этих позиций следует заключить, что на типовом уровне опасность преступления есть результат совокупной оценки различных обстоятельств — непосредственно деяния, личности виновного, параметров вины, последствий и т.д. Только с учетом этой оговорки можно согласиться с мнением специалистов, которые предлагают говорить о «едином сложном явлении общественной опасности деяния и деятеля, не разделяя их» [4]; о том, что «общественно опасное поведение включает в себя общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного с ее общественно опасными свойствами» [5]. Должно быть очевидным, что каждый из этих компонентов и может, и должен быть самостоятельно оценен на предмет общественной опасности. И **только в своей совокупности «раздельные» оценки опасности личности, деяния, его последствий и т.д. могут быть интегрированы в общий вывод об опасности преступления.** Причем, что крайне важно, вклад этих оценочных компонентов в общую оценку опасности преступления может существенно различаться.

На уровне практики Конституционного Суда РФ этот тезис получил многочисленные подтверждения. В частности, в своих решениях Суд констатировал:

- установление законом уголовной ответственности и наказания без учета личности виновного и иных обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование и способствующих адекватной юридической оценке общественной опасности как самого преступного деяния, так и совершившего его лица, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции РФ принципам справедливости и гуманизма⁶;

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года „Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов“ в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан»; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.11.2016 № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта „б“ части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой»; Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Киреева Василия Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 135 Уголовного кодекса Российской Федерации».

- криминализация тех или иных правонарушений, неразрывно связанная с конструированием состава преступления, системообразующими элементами которого являются объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона, не предполагает обязательного наличия признаков преступной общественной опасности у каждого из них, — такие признаки могут отражать не все, а лишь отдельные элементы состава преступления⁷;
- общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства на охраняемые общественные отношения (объект преступления), временем, местом, способом его совершения и наступившими последствиями, в том числе их масштабом (объективная сторона преступления), формой вины, мотивами и целями противоправных действий, бездействия (субъективная сторона преступления)⁸.

Анализ этих утверждений еще раз доказывает: вывод об опасности преступления (на типовом уровне) есть результат законодательного учета множества факторов, которые только в своей совокупности дают основание для криминализации. Однако в ряду этих факторов деянию как сознательно-волевому правонарушению поведению человека принадлежит особая роль. **Деяние и его опасность — самостоятельный предмет оценки законодателя и правоприменителя; оценка опасности деяния и оценка опасности преступления — несовпадающие виды оценочной практики.** Опасность деяния имеет свои параметры и критерии оценки, о которых стоит рассуждать отдельно.

Значимость категории «деяние» подтверждается ее конституционным признанием. Согласно ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Этот тезис воспроизведен и в уголовном законе, в статьях 8, 14, определяющих основание уголовной ответственности и понятие преступления. Акцент на деянии, как представляется,

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда».

призван подчеркнуть очевидное в современных условиях, но фундаментальное по своему социально-историческому значению положение о том, что мысли, убеждения, верования и все то, что составляет «внутренний мир идей» человека, не может служить основанием для уголовного преследования, не может быть признано неправомерными и опасными. Согласно ст. 28 Конституции, каждому гарантируется право свободно выбирать, иметь, распространять любые убеждения и действовать в соответствии с ними; согласно ч. 3 ст. 29 Конституции, никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. Любое правовое, а тем более уголовно-правовое «вторжение» в сферу свободы человека начинается там, где убеждения и мнения воплощаются в конкретном деянии.

Деяние, о котором здесь идет речь, есть неправомерное и вместе с тем одновременно опасное. Эта опасность существует объективно до момента криминализации. На этот принципиальный момент обратил внимание А.Э. Жалинский, обращаясь к положениям ч. 2 ст. 2 УК РФ, в соответствии с которой законодатель «определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями». Автор, в частности, указывал, что понятие опасного деяния по логике законодателя отличается от деяния общественно опасного, а сам законодатель, руководствуясь ч. 2 ст. 2 УК РФ, в процессе конструирования уголовно-правового запрета «должен пройти путь от установления того, что деяние (система деяний — поведение), которое является предметом правотворчества, опасно до признания его (их) общественно опасными» [6].

Опасность деяния, подлежащего криминализации, должна восприниматься и оцениваться одновременно с учетом того, что оно является неправомерным (в форме злоупотребления правом или нарушения порядка реализации права). Элемент неправомерности является значимой характеристикой такого деяния. В содержательном отношении это предполагает, что в оценке опасности деяния он не может быть проигнорирован. При таком подходе в новом свете звучит известная дискуссия о том, обладает ли общественной опасностью исключительно виновное поведение лица или опасность свойственна деянию безотносительно вины субъекта. Некоторые авторы, как известно, полагают, что общественная опасность есть категория объективная, не зависящая от вины субъекта, в связи с чем свойством общественной опасности наделяют и действия невменяемых лиц, и разрушительные действия сил природы [7, 8]. С таким подходом можно соглашаться, опять же, при очень существенных оговорках относительно предмета,

который наделяется свойством опасности. Если рассуждать о предмете законодательной оценки с точки зрения выявления потребности в криминализации, должно быть очевидным, что опасное и неправомерное деяние по определению не может быть лишено субъективных компонентов виновности. В.С. Прохоров предлагал на этом основании различать опасность вообще и общественную опасность в частности (первая отражает, по его мнению, весь ущерб, причиняемый обществу, тогда как как вторая — лишь тот ущерб, который выступает следствием виновного поведения) [9]. В.В. Мальцев высказался более определенно: «Общественно опасное поведение как единственный источник одноименного социального свойства изначально предполагает осознание индивидом своих интересов в качестве противоречащих интересам общества. Без такого осознания это поведение не имеет социального содержания и осуществляется лишь на уровне природных „влечений, вожделений, склонностей“. <...> Потому общественно опасное поведение есть всегда сознательный выбор лица в пользу антисоциального, противообщественного способа удовлетворения своих потребностей» [10]. **Согласимся с этим суждением без дополнительных комментариев. Опасное деяние, если оно одновременно является неправомерным, обязательно содержит в себе элемент осознанности. В противном случае невозможно говорить о неправомерности деяния, а оставшаяся «объективная опасность», как не отражающая отношения деятеля к обществу, правам и интересам иных лиц, не может служить предметом правовой оценки с точки зрения выявления оснований ответственности.** В этом контексте важно уточнить, что речь идет именно о сознательно-волевом характере деяния, т.е. о его психологической характеристике. Сам термин «виновность» здесь неприменим в принципе, поскольку вина в преступлении наделяется специфическим содержанием, предполагающим отражение в сознании субъекта уголовно-правовых признаков преступления, т.е. признаков уже криминализованного деяния.

Сознательно-волевое неправомерное опасное деяние лица выступает исходной точкой, началом начал в рассуждениях законодателя о необходимости криминализации; она «обрастает» результатами оценки иных факторов, но сохраняет свое принципиальное значение в качестве основы, экстракта общественной опасности преступления. «Лишь общественная опасность, присущая конкретному деянию, оправдывает уголовно-правовую реакцию на это деяние» [11].

Выявление и оценка содержания опасности деяния представляет сложный интеллектуальный процесс (в некоторых исследованиях для

его описания используется сложнопереводимый с английского термин «дейнджеризация» [12]). Его специфика, однако, состоит в том, что результаты этого процесса не остаются лишь достоянием интеллектуального творчества, они приобретают свойства нормативного решения, воплощаясь в криминализации, а сама дейнджеризация выступает частью процесса правотворчества. В силу этого **оценка опасности деяния должна иметь в своей основе не только необходимый механизм интеллектуального обеспечения [13], но строгие правовые основы, включая, в первую очередь, основы конституционные.**

А.Э. Жалинский отмечал, что законодатель «связан Конституцией РФ и действует в ее рамках. Но Конституция не дает позитивной характеристики ни опасности, ни общественной опасности деяния. Поэтому законодатель вначале должен самостоятельно, но на основе конституционной и уголовно-правовой доктрины, используя самую различную фактическую информацию, решать, является ли поведение опасным, а затем и общественно опасным, либо оно вообще не опасно, либо опасно, но не общественно опасно. При этом законодатель обязан „заложить“ в свое решение представление об общественной опасности и сделать это так, чтобы быть понятным правоприменителем» [6, с. 360]. Действительно, слова «опасность», «общественная опасность» в конституционном тексте не используются. Но это вовсе не означает, что Конституция РФ не содержит в себе потенциального источника для построения теории общественной опасности. Сложно согласиться с категорическим суждением о том, что «идеи права, происходящие из духа Конституции РФ, в отрыве от нее как юридического документа, существовать в российском правовом пространстве не могут» [14]. Конституция — это не только текст, но, как отмечает Н.С. Бондарь, «это еще и дух Конституции, т.е. те основополагающие ценности, принципы, устои нашей жизни, которые не обязательно имеют конкретное текстовое закрепление в Конституции, но в конечном счете вытекают из нее» [15].

Анализ практики Конституционного Суда РФ дает реальную возможность выявить те смыслы и идеи, которые будучи отраженными в правовых позициях органа конституционной юстиции, приобретают значимое качество нормативных требований к процессу выявления и оценки общественной опасности.

Прежде всего, отметим, что **Конституционный Суд РФ настаивает на принципиальном различии типовой общественной опасности и опасности конкретного преступления, подтверждая применительно к реальным**

ситуациям возможность несовпадения признака предусмотренности деяния в уголовном законе и его общественной опасности. В ряде решений Суд указывал:

- при установлении уголовной ответственности «нельзя не учитывать природу правонарушений, исключаящую отнесение к преступлениям деяний хотя и противоправных, но не обладающих действительной общественной опасностью (*malum prohibitum*)»⁹;
- «как вводимые законодателем меры уголовной ответственности, так и их реализация в правоприменительной деятельности не предполагают ее возложения за деяния, лишь формально подпадающие под признаки статьи Особенной части УК РФ, но не представляющие того минимума опасности, которая является необходимым свойством преступления, либо представляющие опасность в столь малой степени, что восстановление нарушенных общественных отношений, социальной справедливости может быть обеспечено и при освобождении от уголовной ответственности или от наказания. Сказанное не означает отказ от учета формальных признаков деяния, запрещенного в Особенной части УК РФ, которые непреложны для суда, обязанного руководствоваться ими при квалификации любого инкриминируемого лицу преступления. Тем не менее выявление формальных признаков состава преступления в совершенном деянии не всегда предопределяет признание его преступным, поскольку содеянное в силу поведения самого виновного может и не достигать того уровня опасности, который легитимирует уголовное преследование»¹⁰;
- уголовно-правовым основанием различения нормативной оценки опасности и ее реального содержания выступает ч. 2 ст. 14 УК РФ, которая позволяет отграничить преступления от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости, в соответствии с которым

наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Тем самым обеспечивается адекватная оценка правоприменителями степени общественной опасности деяния, зависящая от конкретных обстоятельств содеянного. В качестве таких обстоятельств могут учитываться размер вреда и тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличие в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ; не исключается учет при оценке степени общественной опасности деяния значимости для потерпевшего того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства¹¹.

Далее Конституционный Суд РФ закономерно исходит из того, что преступления, хотя и составляют единый класс правонарушений, существенно различаются между собой по степени общественной опасности. В решениях Конституционного Суда находит свое выражение, в частности, характеристика преступлений, уголовные дела по факту совершения которых возбуждаются в частном порядке, как «не представляющих значительной общественной опасности»¹²; оценка обстоятельств,

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 2121 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьшиной»; Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 805-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жданова Вячеслава Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации».

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2005 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда города Мурманска»; Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2011 № 22-П «По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.А. Тихомировой, И.И. Тихомировой и И.Н. Сардыко»; Определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2019 № 3272-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

отягчающих наказание, и квалифицирующих признаков преступления как свидетельств «повышенной степени общественной опасности уголовно наказуемого деяния»¹³. При этом опасность преступлений закономерно различается не только от одного вида деяний к другому, но и в отношении одного и того же типа деяний со временем, что может приводить к значительному уменьшению общественной опасности преступления, в том числе по прошествии значительного времени с момента его совершения¹⁴.

Наконец, по мнению Конституционного Суда РФ, **в правовой системе России преступлению, в отличие от иных правонарушений, присуща особая, а именно криминальная общественная опасность**¹⁵, уголовная ответственность в отличие от административной ответственности установлена для случаев, представляющих повышенную общественную опасность¹⁶.

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 № 1623-О-О «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта „о“ части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Завитаева Руслана Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 60, 63, частью третьей статьи 69, частью первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом „г“ части второй статьи 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации».

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1220-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вихманн Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2014 № 1309-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова».

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2020 № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной».

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2008 № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян».

Список литературы

1. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 24.
2. Алакаев А.М. Понятие преступления: формы и виды: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 16.
3. Уголовное уложение вместо УК РФ / Г.В. Дашков, Б.В. Здравомыслов, Ю.А. Красиков и др. // Записки криминалистов. 1993. № 1. С. 5–17.
4. Бриллиантов А.В. Общественная опасность деяния // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4. С. 245–250.
5. Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 9.
6. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 358–359.
7. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1989. С. 26.
8. Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления. М.: РГУП, 2019. С. 30.
9. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 23.
10. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. Т. 1. Введение в уголовное право. Научное исследование. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 79–80.
11. Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 216.
12. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 120.
13. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Понятие и механизм интеллектуального обеспечения уголовной политики // Российский следователь. 2013. № 11. С. 2–5.
14. Баринов Э.Э., Ткаченко М.А. Стабильность Конституции Российской Федерации в контексте обеспечения ее безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 4(83). С. 64.
15. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М.: Юрист, 2013. С. 179.

Selected Aspects of Social Danger of Crime Theory

Guzeeva Olga,

PhD in Law,

Judge of the Commercial Court
of the Moscow Region

E-mail: Olga3520@list.ru

Abstract. *The question of social danger, its criteria and structure, is literally central in the doctrine of crime. There are tens, if not hundreds, of works devoted to this topic. Despite this, social danger still remains one of the most controversial areas of criminal law theory, and an underexamined field of study.*

The conclusion about the danger of a crime is the result of legislative consideration of many factors, which only provide a basis for criminalization. It should be obvious that each of these components can and should be independently assessed for public danger. Only in their totality can an act and its consequences be integrated into a general conclusion about the danger of a crime via "separate" assessments of the danger of an individual. Among these factors, an act as a consciously volitional unlawful behavior of a person plays a special role. The act and its danger are an independent subject of assessment by the legislator and law enforcement body; the assessment of the danger of the act and the assessment of the danger of the crime are different types of assessment practice.

Keywords: *Social danger of a crime, act, constitutionalization of criminal law, wrongfulness, foreseeability of the act, criminalization, criminal responsibility.*

References

1. Ponyatovskaya T.G. *Konceptual'nye osnovy ugolovnoogo prava Rossii: istoriya i sovremennost': avtoref. diss. ... d-ra yurid. nauk.* Ekaterinburg, 1997. P. 24. (In Russ.).
2. Alakaev A.M. *Ponyatie prestupleniya: formy i vidy: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk.* Moscow, 1992. P. 16. (In Russ.).
3. Dashkov G.V., Zdravomyslov B.V., Krasikov Yu.A. et al. *Ugolovnoe ulozhenie vmesto UK RF. Zapiski kriminalistov.* 1993;(1):5-17. (In Russ.).
4. Brilliantov A.V. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya. Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal.* 2016;(4):245-250. (In Russ.).
5. Mal'cev V.V. *Problema otrazheniya i ocenki obshchestvenno opasnogo povedeniya v ugolovnom prave: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk.* Moscow, 1993. P. 9. (In Russ.).
6. Zhalinskij A.E. *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz. 2-e izd., pererab. i dop.* Moscow: Prospekt, 2009. P. 358-359. (In Russ.).
7. Lyapunov Yu.I. *Obshchestvennaya opasnost' deyaniya kak universal'naya kategoriya sovetskogo ugolovnoogo prava.* Moscow: VYUZSH MVD SSSR, 1989. P. 26. (In Russ.).
8. Pudovochkin Yu.E. *Ocenka sudom obshchestvennoj opasnosti prestupleniya.* Moscow: RGUP, 2019. P. 30. (In Russ.).
9. Prohorov V.S. *Prestuplenie i otvetstvennost'.* Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1984. P. 23. (In Russ.).
10. Mal'cev V.V. *Kurs rossijskogo ugolovnoogo prava. Obshchaya chast'. T. 1. Vvedenie v ugolovnoe pravo. Nauchnoe issledovanie.* Moscow: Yurlitinform, 2015. P. 79-80. (In Russ.).
11. *Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta: kriminalizaciya i dekriminalizaciya.* Otv. red. V.N. Kudryavcev, A.M. Yakovlev. Moscow: Nauka, 1982. P. 216. (In Russ.).
12. Nechaev A.D. *Konceptual'nye osnovy kriminalizacii i dekriminalizacii deyanij.* Moscow: Yurlitinform, 2018. P. 120. (In Russ.).
13. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Ponyatie i mekhanizm intellektual'nogo obespecheniya ugolovnoj politiki. Rossijskij sledovatel'.* 2013;(11):2-5. (In Russ.).
14. Barinov E.E., Tkachenko M.A. *Stabil'nost' Konstitucii Rossijskoj Federacii v kontekste obespecheniya ee bezopasnosti. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie.* 2017;4(83):64. (In Russ.).
15. Bondar' N.S. *Aksiologiya sudebnogo konstitucionalizma: konstitucionnye cennosti v teorii i praktike konstitucionnogo pravosudiya.* Moscow: Yurist, 2013. P. 179. (In Russ.).